

— Что такое? — Мужчина обернулся и сквозь пелену снегопада бросил взгляд на обоз семейства Ван. На его губах заиграла полуулыбка. — Неужто есть что-то, чего наследник не в силах достать сам, раз ему приносят подарки командиры военных гарнизонов из такого захудалого уездного городишка, как Цяньань?

— Цяньху Се отлучился в Цзюцзян на несколько месяцев по императорскому поручению и, должно быть, совсем не знает, что нынче вошло в моду в столице? — Наследник Сунь Инцзюэ потер нос и с воодушевлением продолжил: — В Цяньане появилась некая красавица Цуй, умелица делать замечательную бумагу с рисунками. Красавицы на её бумаге — словно живые, яркие красками, того и гляди сойдут с листа! А ещё она отпечатала книгу с цветными иллюстрациями, где изображены те же четыре девы, что и на этой бумаге, и каждая — само изящество и страсть...

Он говорил без умолку, готовый, кажется, оживить этих красавиц на словах. Се Ин покачал головой и с улыбкой предостерег:

— Наследник, смотрите под ноги. Упасть в такой снегопад — шутка плохая.

Только тут Сунь Инцзюэ поднял глаза на дорогу, но мыслями был всё ещё далеко от серьезных дел:

— Вы ведь в восьмом месяце ездили в Цяньань? Неужели еще тогда не слыхали ни о какой знаменитой деве? Откуда вдруг взялась эта красавица Цуй? Может, переехала откуда-то?

Красавица Цуй, значит...

В Цяньане Се Ин действительно встречал одного человека по фамилии Цуй. Если говорить о внешности, то... но тот был юношей с непреклонным духом, верным и честным. Никак он не мог быть той красавицей, о которой грезил наследник Сунь.

Он покачал головой и усмехнулся:

— Когда мы с евнухом Гао ездили туда, ни о какой красавице, изготавливающей бумагу, и речи не было. Возможно, торговцы просто прикрылись эдаким именем, чтобы привлечь покупателей её изящной славой? Наследнику лучше сначала отправиться со мной в Северную Чжэньфусы, сдать приходно-расходные книги таможен Цзюцзяна и завершить поручение, а уж потом со спокойной душой возвращаться домой и любоваться красавицами.

Встреченный по пути обоз Се Ин вскоре выбросил из головы, полностью сосредоточившись на деле о злоупотреблениях в уездах Цзюцзяна: местные чиновники незаконно собирали казенное зерно, а таможни произвольно задерживали продовольственные суда ради вымогательства, из-за чего несколько барж с осенним хлебом попали в шторм и затонули в реке.

Лишь под самый Новый год, когда он вновь увидел обоз Правого караула Синтунь, в памяти снова всплыла та случайная встреча. Впрочем, на этот раз они пересеклись не на дороге: подводы стояли прямо у ворот усадьбы Се, и слуги сгружали вещи, явно предназначавшиеся для его дома.

Кто бы мог подумать: бросив тогда на дороге случайное «интересно, кому так посчастливилось получить от них подарки», сегодня он сам получил новогодние дары от командира Вана.

Однако у него не было никаких связей с людьми из Правого караула Синтунь. В конце концов, он — лишь цяньху Переднего караула Цзиньивэй, и командиру военного гарнизона третьего

ранга незачем искать с ним дружбы. Если в Цяньане и был кто-то, с кем подобало обмениваться праздничными подарками, то это...

— Цуй Се.

Ван Сянчжэнь при встрече чеканно отдал воинское приветствие и с улыбкой произнёс:

— Цуй Се — мой названный брат. Узнав, что я отправляюсь в столицу с праздничными подарками, он попросил меня передать подарок и вам, господин цяньху. Я и сам давно восхищался вами, так что сегодня явился без приглашения в роли незваного гостя, надеясь на ваше прощение.

Опасаясь, что цяньху Се закрутился и забыл имя Цуй Се, он добавил:

— Господин, вы ведь помните моего брата Цуй Се? Он — сын Цуй Цюэ из Министерства финансов, тот самый благородный муж, которого несколько месяцев назад вы с евнухом Гао пожаловали высочайшей похвалой в нашем уезде.

Уголки губ Се Ин слегка приподнялись в мягкой улыбке:

— Разумеется, помню. Я лично испрашивал для него высочайшую похвалу, как же мне забыть.

Тогда, на постоялом дворе в Тунчжоу, именно из-за оплошности Цзиньивэй при задержании молодого господина втянуло в баталию, а сам Се Ин чуть не прикончил его вместе с еретиком. Но, будучи спасённым, Цуй Се вовсе не затаил обиды. Напротив, он считал его своим спасителем, постоянно помнил о нём и всё порывался отблагодарить.

Се Ин вырос среди Цзиньивэй и сполна насмотрелся на людские нравы, но никогда еще не встречал настолько душевного и чистосердечного человека, который, даже ничего не имея за душой, стремился отплатить за добро. При этом не скажешь, что Цуй Се был слаб и незащищен: перед клинком патриарха Сюя из Учения Белого Лотоса он явил непреклонную стойкость, а против предавших хозяина слуг действовал решительно и беспощадно...

Должно быть, именно таких людей и называют благородными мужьями.

Сам Се Ин не мог стать таким, но и видеть, как глумятся над подобным юным благородным мужем, ему не хотелось. Потому он и постарался выхлопотать для него высочайшую похвалу по императорскому указу, чтобы хоть как-то защитить. Теперь казалось, что его усилия принесли пользу: судя по всему, молодой господин Цуй поживал весьма недурно.

Ван Сянчжэнь, скрепив знакомство и вручив дары, довольный покинул усадьбу Се. Се Ин велел унести щедрые подарки, оставив лишь небольшую шкатулку. Открыв её, он обнаружил свиток с живописью, книгу и коробочку изящной бумаги с цветными изображениями цветов, плодов, музыкальных инструментов и изысканных безделушек. Все рисунки были выполнены цветной печатью, настолько тонко и живописно, что Се Ин мгновенно вспомнил о «Бумаге красавиц из Троецарствия», упомянутой наследником Сунь.

Неужели этот Цуй и тот — одно и то же лицо?

Впрочем, за две встречи с Цуй Се он ни разу не слышал, чтобы тот владел искусством изготовления бумаги. Возможно, он просто купил её в лавке? Книга тоже оказалась не печатным изданием: на высококачественной цветной бумаге ровным каллиграфическим почерком были переписаны парные изречения, выписанные из Четверокнижия, — вещь весьма

изысканная, в духе утонченных книжников.

«В прошлый раз я посоветовал молодому господину Цуй усерднее учиться сочинять стихи и эссе, и вот он прислал сборник мудрости святых мудрецов?»

Улыбка Се Ин стала еще теплее. Пролистав сборник парных изречений, он развернул последний свиток, лежавший в шкатулке. Яркий, выразительный образ на живописном полотне, казалось, вот-вот сойдет с бумаги. Едва взглянув на него, Се Ин сразу вспомнил слова «красавица Цуй» — ибо только к такой работе применимы слова «живые краски, того и гляди сойдет с листа».

Неужели молодой господин Цуй сам скрывается под именем красавицы и открыл книгопечатную лавку? Позже надо бы раздобыть пару листов «Бумаги красавиц из Троецарствия» и проверить, не одна ли рука их создавала.

Он взял себя в руки, взгляделся внимательнее и лишь тогда узнал на портрете самого себя.

Изображенный человек был чрезвычайно похож на него, но выглядел более благородно и статно, а в уголках его глаз и бровей таилась мягкая улыбка. Черты лица и фигура, возможно, немного отличались из-за особенностей портрета, но само выражение и дух были схвачены безупречно, точно зеркальное отражение перенесли прямо на бумагу.

Се Ин долго вглядывался в портрет, затем перевел взгляд на надпись с датой и подписью: «Чэнхуа, год Жэнь-Инь, тринадцатый день двенадцатого месяца. Нарисовал Цуй Се в "Цзюаньчжай"». Внизу алела небольшая печать с надписью «Печать Цуй Се».

Значит, действительно написал сам молодой господин. Но ведь за эти полгода мы виделись всего дважды, да и то мельком. Как же Цуй Се смог запомнить меня настолько точно?

Обладает ли он от природы абсолютной памятью, или же именно о нем у юноши осталось настолько яркое впечатление?

Се Ин бережно приподнял свиток. Изображение Цзиньивэй в роскошном одеянии на верховом коне и окутанные туманом терема со улицами на заднем плане не привлекали его внимания. Его взгляд словно сквозь полотно обратился к юноше, которого он встречал пять месяцев назад в Тунчжоу: в памяти снова возникли сияющие, словно утреннее солнце, глаза и утонченное, еще по-детски нежное лицо.

Привлекательные черты, подобно женским, в сдаче экзаменов считались весьма благоприятными. Но юноша еще мал — кто знает, каким он станет, когда сдаст экзамены и прибудет в столицу?

Се Ин смежил веки, а затем позвал своего слугу Се Шаня, дежурившего в доме, показал ему портрет и спросил:

— На «Бумаге красавиц из Троецарствия» персонажи такие же?

Се Шань остолбенел и не мог прийти в себя, пока господин не свернул свиток. Лишь опомнившись, он заговорил:

— Да где там! Разве рисунки на продаваемой бумаге могут сравниться с такой картиной! По сравнению с этим та красавица Цуй в лучшем случае годится ему в младшие сестры, да и то по мастерству до него не дотягивает!

Его младшая сестра живет в столице, обычная девушка, откуда ей уметь делать такую бумагу.

Се Ин не стал слушать его вздор и перевел тему:

— Рецепт вина, что дал молодой господин Цуй, уже испробовали?

Се Шань ответил:

— Еще нет. Вы, господин, сами поручили это дело, так что если вы не присматриваете, то уж я-то неотступно слежу. Осталась последняя перегонка и выдержка, так что готово будет самое раннее после Нового года, а если дать еще настояться — то ко второму месяцу. Господин желает сделать ответный подарок командиру Вану? У нас в погребе есть несколько кувшинов отличного южного вина, прозрачного, как вода, — не погрузить ли им целую телегу?

Се Ин равнодушно произнес:

— На их подарок ответьте тем же, меня о таком спрашивать не надо. А вот после Нового года съездишь за меня в Цяньань и отвезешь кое-что молодому господину Цую.

Се Шань отозвался:

— Тоже отправим шаоцзю? Или лучше подарить что-то более практичное? Не посчитайте за дерзость, но глядя на эту шкатулку и подарки, мне кажется, молодой господин Цуй едва концы с концами сводит.

<http://bllate.org/book/18372/1761284>